

ДВА ПОДХОДА К РЕФОРМЪ ПРАВОПИСАНІЯ¹

Нынѣ, когда снова заговорили о реформѣ русскаго правописанія и готовится проектъ новой редакціи «Правилъ орѳографіи и пунктуаціи», будеть небесполезнымъ оглянуться назадъ и посмотрѣть, какъ рѣшали эту проблему наши предки.

Первой серьезной реформой орѳографіи была реформа болгарскаго патріарха Евѳимія. Къ концу XII вѣка Болгарія и Сербія завоевали политическую независимость отъ Византіи. Около середины XIII вѣка начинается расцвѣтъ литературы и культуры, такъ называемый «серебряный вѣкъ» болгарской письменности («золотымъ» быль X вѣкъ). Серьезной реформѣ подвергся литературный языкъ, въ которомъ утверждаются строгія орѳографическая нормы. Дѣло въ томъ, что къ концу XIV вѣка богослужебные тексты у славянъ пришли въ негодность, отступили отъ первоначальныхъ образцовъ, испортились отъ рукъ не всегда грамотныхъ писцовъ. Патріархъ Евѳимій (1360 — 1393) предпринялъ массовое исправленіе богослужебныхъ книгъ. Онъ создалъ цѣлую школу опытныхъ переводчиковъ, справщиковъ и писцовъ; центромъ этой школы быль монастырь св. Троицы близъ г. Тырнова. Исправленныя здѣсь книги такъ называемаго тырновскаго извода расходились по всей Болгаріи, а затѣмъ попадали въ Сербію, на Афонъ, въ Россію. Послѣ захвата Тырнова турками-османами патріархъ Евѳимій быль сосланъ, но начатая имъ реформаторская дѣятельность продолжилась въ Сербіи.

При покровительствѣ деспота Стефана Лазаревича на р. Ресавѣ быль основанъ монастырь св. Троицы, въ которомъ были собраны наиболѣе просвѣщенные иноки. Ресавская орѳографія стала стала наслѣдницей орѳографіи болгарскихъ книжныхъ центровъ. Особую роль въ ресавской книжной справѣ сыгралъ Константинъ Костенецкій, написавшій специальное орѳографическое сочиненіе — «Сказаніе о писменехъ»². Константинъ родился въ Болгаріи въ г. Костенецѣ (откуда и пошло его прозвище), въ началѣ 90-хъ годовъ XIV вѣка. Отрокомъ въ самомъ началѣ XV вѣка онъ отправился въ Бачковскій монастырь, куда быль сосланъ въ свое время Евѳимій Тырновскій; здѣсь Константинъ сталъ ученикомъ монастырской школы и, въ частности, ученикомъ ученаго монаха Андроника, бывшаго въ свою очередь ученикомъ Евѳимія Тырновскаго, который, уже въ свою очередь, быль ученикомъ виднаго болгарскаго исихаста Феодосія Тырновскаго, который быль непосредственнымъ ученикомъ одного изъ отцовъ-основателей исихазма Григорія Синаита; такимъ образомъ, выстраивается цѣпь лично переданной исихастской традиції³. Въ Бачковскомъ монастырѣ онъ пріобрѣлъ знаніе какъ славянскаго, такъ и греческаго языковъ, а также познанія въ области исихастскаго богословія. Послѣ окончанія обученія Константинъ не смогъ или не захотелъ принять монашескій постригъ и вынужденъ быль покинуть монастырь. Послѣ того какъ Болгарія была разгромлена турками, Константинъ бѣжалъ въ Сербію, гдѣ нашель приютъ и службу толмача при двоёрѣ деспота Стефана Лазаревича.

¹ Первая публикация (в сокращении): Слова, слова, слова... Межвуз. сб. науч. тр., посв. 65-летию со дня рождения д. ф. н. проф. И. Г. Добродомова. М., Смоленск, 2000. С. 96-100.

² Опубликовано с обширными комментариями И. В. Ягичем: Ягич И. В. Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896. С. 78-229.

³ См.: Сырку П. А. К вопросу об исправлении книг в Болгарии в XIV в. // ЖМНП. 1886. Ч. CCXLV. С. 312-325.

Здѣсь онъ пишетъ «Сказаніе о письменахъ», цѣлью котораго было обоснованіе необходимости кодификаціи орѳографіи и введенія орѳографической цензуры. Въ трудѣ Константина Костенецкаго средневѣковый славянскій книжникъ находилъ богословское обоснованіе той языковой практикѣ, которая сложилась въ Болгаріи Сербіи и на Афонѣ; въ этомъ трудѣ была отрефлектирована языковая идеологія средневѣковаго книжника, и именно это, а не отдѣльныя орѳографическія правила стяжали ему славу философа и учителя.

Болѣе всего Константина удручалъ орѳографическій разнобой въ сербскихъ и болгарскихъ богослужебныхъ книгахъ, утраты («растленіе») многихъ древнихъ буквъ (ѣ, ѿ, ѿ, њ, ї), вызванное вліяніемъ живого сербскаго языка, или произволь въ ихъ употребленіи. Все свое вниманіе Константина направилъ на орѳографію, на правила употребленія буквъ и надстрочныхъ знаковъ.

Орѳографическія представленія Константина были тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ духовно-аскетической традиціей священнобезмолвія, или исихазма.

Лингвистические выводы изъ исихастскаго богословія Константина получились отъ учениковъ Евѳимія Тырновскаго или сдѣлалъ самостоятельно, и сводились они къ слѣдующему. Поскольку слово есть символъ, то есть обладаетъ непроизвольной, безусловной связью между означающимъ и означаемымъ, то «графическія знаки – не условныя, а мотивированныя обозначенія божественныхъ прообразовъ. Ясно, что любое нарушеніе нормъ орѳографіи приводить къ отступленію отъ ортодоксіи – въ этомъ пафосъ сочиненія Константина»⁴. Цѣль Константина заявлена въ самомъ названіи его труда: *сказаниe изыгавленно въ писменѣ како дрѣжати се. да не прѣложенїе си растлѣваютсѧ вѣтвнаа писаніа.* «Преложеніе», то есть измѣненіе, влекущее за собой «растленіе» письменъ, происходитъ *си невѣдѣніи.*

Гдѣ, однако, критерій истинной орѳографіи? Во-первыхъ, этотъ критерій заключается, по мнѣнію Константина, въ греческихъ письменахъ. Греческій литературный языкъ въ это время былъ строго организованной системой нормъ и правилъ, регламентирующихъ его употребленіе. Знаніе этихъ правилъ возвышаетъ человѣка надъ невѣждами: *въ грѣческѣй во писаніи ни въ что же вѣличиауть си невѣдѣніи*⁵. Невѣжды у грековъ не могутъ быть допущены къ перепискѣ книгъ: *того во рдѣ и вѣзѣраніе є невѣжда еже написати вѣтвнаа писаніа въ грѣцѣ*⁶. Константина поражаетъ языковая, въ томъ числѣ и графико-орѳографическая стабильность греческихъ книгъ: хотя *въ многтыи доли писаннаа съставлыше, но растоаніе не шврѣте се и даже до днѣ въ грѣческѣй писменѣ, тогда какъ въ ишій же аще и рѣ книгъ съвѣтуетсѧ, ни дѣкъ ѿ вѣсѣ шврѣтаютсѧ едино тако пѣваеть*⁷. «Степень серьезности этого замѣчанія Константина можно оцѣнить въ полной мѣрѣ въ томъ случаѣ, если принять во вниманіе слѣдующее: уже въ раннехристианское время отсутствіе единства между списками того или иного церковнаго текста могло восприниматься вѣрующими какъ свидѣтельство не только испорченности самихъ не согласныхъ между собой списковъ, но и неправославія лицъ, ихъ выполнившихъ или ими пользующихся»⁸. Такимъ образомъ, греческій литературный языкъ съ его обработанностью и кодифицированностью долженъ быть, по мысли Константина, стать образцомъ для соотвѣтствующей обработки и кодификаціи церковнославянскаго языка.

⁴ Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 31.

⁵ Ятич И. В. Рассуждения... С. 393-394.

⁶ Там же. С. 420.

⁷ Там же. С. 396.

⁸ Лукин П. Е. Письмена и православие. М., 2001. С. 261. Со ссылкой на «Церковную историю» (V, 28) Евсевия Кесарийского.

Во-вторыхъ, критерій истинной орѳографіи заключается въ кирилло-мѣфодіевской традиції: св. Кирилль сумѣль при помощи Божіей совершил чудо – установить правильныя отношенія между греческимъ и славянскимъ языками; въ дальнѣйшемъ эти отношенія были испорчены; суть тырновской реформы, въ идеалѣ, какъ разъ и заключалась въ возвратѣ къ древней традиції.

Ідеаль, намъ разъ и заіло какоє въ восірятъ къ древній традиції. Эта орографическая традиція должна быть хорошо описана какъ для обученія письму, такъ и исправленія книгъ. Большая часть трактата Константина посвящена именно этому. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Дифференціація буквъ **w** и **o**: буква **w** употребляется въ началѣ слова, а внутри слова только въ формахъ множественного числа; буква **o** пишется въ серединѣ и концѣ слова въ формахъ единственного числа; кромѣ того, эти буквы различаютъ слова мужскаго и женскаго рода: **ѡеѡдоръ** – **ѡеѡдора**, **ѡнъ** – **ѡна**; буквы **o** и **oo** слѣдуетъ писать въ словахъ **ѡко** и **ѡчи**; между буквами **a** и **ia** Константинъ устанавливаетъ такое различіе: **ѧдинaa** – это форма женскаго рода единственного числа, а **ѧдинaia** – форма мужскаго рода двойственного числа; буквы **ѣ** и **е** различаютъ смыслъ словъ: **съ є во сеѡѣть гле**^т **сеѡѣти**. **съ e-и же свѣть си рѣ** **стъ йъ** или **свѣтыи кто** (въ сербскомъ языкѣ *ѣ* > *e*, а не въ *ѧ*, какъ въ русскомъ). Благодаря такому различенію читающій понимаетъ текстъ «безъ претыканія», ибо оно **и҃здалеуѣ тавѣти глаголъ творить**. Свѣдущему читателю эти тонкости помогаютъ, мѣшаютъ же только невѣжамъ.

Составной частью орографической реформы Константина было исправление ударения. Константинъ указываетъ на важность ударенія («силы») для правильнаго пониманія текста. Такъ, при помощи ударенія могутъ различаться грамматическія формы: **тависє** – форма изъявительнаго наклоненія (глаголъ **повѣстънъ**), **тависе** – форма повелительнаго наклоненія (глаголъ **повелителънъ**); хотя написаніе едино, но сила раздѣли надъ се; ср. еще: очисти гъ въса не^чти – очисти ле ги^ч⁹. Отсюда слѣдоваль выводъ о необходимости разстановки удареній въ литературныхъ, особенно богослужебныхъ текстахъ.

литературнихъ, особинно вогоду життю та текстахъ.
На русской почвѣ сочиненіе Константина подверглось передѣлкѣ и разширенію и стало служить практическимъ руководствомъ для обученія правиламъ орографії; таково сочиненіе нѣкоего Евдокима, по предположенію И. В. Ягича, старца московскаго Чудова монастыря, подъ названіемъ **Книга, глаголемая простословіа, некнижное обученіе грамотѣ, избрана нѣкоторою безнадежною сиротою, скитающеюся беспокоя, Евдокимиша и препростыніи**. Евдокимъ выступаетъ какъ апологетъ грамматической науки: **аще кто простоты не оправдливетъ, тои не може быти мѣръ. аще кто внимаетъ простотѣ, тои може оврѣсти и вѣщіи мѣстеніи**¹⁰; простоту надо, очевидно, понимать какъ совокупность элементарныхъ грамматическихъ свѣденій, уразумѣніе которыхъ является необходимой предпосылкой освоенія **вящей мудрости**. Евдокимъ ощущаетъ себя настолько «продвинутымъ» въ пониманіи важности грамматики, что называетъ невѣждами тѣхъ, кто овладѣваетъ грамотностью традиціоннымъ для древней Руси способомъ обученія черезъ заучиваніе образцовыхъ текстовъ – Часослова, Псалтири и пр.: **слыша нѣвѣждѣ глѹща, рече. что ми огутити вѣква. треба ми огутити книги**¹¹.

Какъ указываетъ И. В. Ягичъ, издавшій «Простословіе» по списку ГИМ, Чуд. собр. № 236-34, датиремому 1589-1600 годами, грамматической трудъ Евдокима состоитъ изъ двухъ частей: орѳографической и морфологической. Въ первой части рѣчъ идетъ о звукахъ и буквахъ, причемъ Евдокимъ уже умѣеть видѣть разницу

⁹ Ягич И. В. Рассуждения... С. 173-174.

¹⁰ Там же. С. 629.

¹¹ Там же. С. 633.

между ними: *междъ речениа и видѣнія възываєтъ веліа въспона*¹². Далѣе вполнѣ традиционно излагаются вопросы фонетики (дѣленіе звуковъ на звательные и полузвательные, т. е. гласные и согласные, описание слога), начертанія буквъ, употребленія надстрочныхъ знаковъ, знаковъ препинанія. Ученіе о знакахъ препинанія включено въ раздѣлъ о «разстояніяхъ», коихъ выдѣляется три: 1) *раздвижка* – это пробѣль, который нуженъ для того, чтобы *рѣчъ въ съкращеніи не смѣшился въ единомъ глаголаніи*; 2) *разставка* – это пробѣль, въ которомъ пишутся различные знаки, а именно: *запата*: та *значишаєтъ во единомъ раздѣлѣ тогоже раздѣла*; *подстоліа* (;) – *значишаєтъ то же раздѣлъ о иномъ раздѣлѣ глаголетъ или инъ раздѣлъ о томже раздѣлѣ глаголетъ*; *точка* (.) – *раздѣляетъ различныя раздѣлы*; *кендица* (") – *исполняєтъ всакъ раздѣлъ*; 3) *раздѣленіе* – для обозначенія конца раздѣла и всей повѣсти, раздѣленій также три: *статіа* (—), *съвръшеніе* (~), *законъ*, *тож конецъ* (⋮), (⋮).

Укажемъ еще на одно сочиненіе – *Кніга глаголати въѣти грамматичнаго обученіа* (РГБ, ф. 299, № 336). Главную цѣль своего сочиненія анонимный авторъ видитъ въ томъ, чтобы орѳографическими средствами различить лексическая единицы и грамматическая формы, которыя *мнозѣмъ и наименование единъ въѣти*, а на самомъ дѣлѣ *тыла веліе разговарініи между собою имѣтъ*, то есть при помощи орѳографіи разграничить лексические и грамматические синонимы.

Для рѣшенія этой задачи авторъ привлѣкаетъ дублетныя буквы славянского и отчасти греческаго алфавитовъ: *а – а*, *е – е*, *и – И – і*, *о – о* – *w*, *ъ – Ъ, ы – Ы, ь – Ь*. Первый варіантъ буквы употребляется въ формахъ единственного числа, второй – двойственного и множественного, напримѣръ: *врагъ*, *губитель* (И. п. ед. ч.) – *врагъ*, *губитель* (Р. п. мн. ч.), *ноги* (Р. п. ед. ч.) – *ноги* (И. п. мн. ч.) и т. п. Кромѣ того, грамматическая формы дифференцируются при помощи разныхъ (а не дублетныхъ) буквъ, напримѣръ, *и – ы*: *агрли* (И. п.) – *агрлы* (В. п.), *прѣустѣвѧ* (И. п. ед. ч. м. р.) – *прѣустѣвѧчи* (И. п. ед. ч. ж. р.); такая же дифференціація будетъ представлена затѣмъ въ грамматикѣ Смотрицкаго.

Въ Юго-Западной Руси польско-католическая религіозная и культурная экспансія вызвала русскую православную реакцію богословскаго, научнаго и практическаго характера, научная реакція на положеніе церковнославянскаго языка выразилась въ его изученіи и грамматическомъ описаніи.

Въ 1596 г. въ Вильнѣ появляется *Грамматика Словенска, съвершенаго искусства осъничастен слова и иныхъ нѣжданыхъ, ново съставлена* L. Z. (Лаврентіемъ Зизаніем). Л. Зизаній (50-60-е гг. XVI в. – послѣ 1634 г.) былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, прошелъ выучку въ братскомъ училищѣ и іезуитской коллегії, пріобщившись къ западноевропейской лингвистической наукѣ.

Въ раздѣлѣ обѣ орѳографіи Зизаній слѣдуетъ тырновско-ресавской традиціи и стремится при помощи использованія разныхъ буквъ зрительно дифференцировать лексическую и грамматическую единицы языка: *орѳографія есть*, *вѣденіе писмена правш писати*. <…> ибо ино есть вого¹³, иное вогш¹³. При помощи дублетныхъ буквъ *а – а*, *о – о* Л. Зизаній предлагаетъ различать совпадающія формы единственного и множественного числа: *юноша* – *юношѧ*, *богомъ* – *богомѧ*. Буквы *о* и *ѡ* используются также для дифференціаціи нарѣчій и краткихъ

¹² Там же.

¹³ Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Сост. Е. А. Кузьминова. М., 2000. С. 34.

прилагательныхъ средняго рода: **праведнѡ** — **праведно**; при помощи пары **и** — **і** различаются Р. и Д. п. ед. ч.: **кости** — **кості**.

Въ 1619 г. въ Вильнѣ вышла изъ печати знаменитая **Грамматики Славенскага правилное Синтагма** Мелетія Смотрицкаго, которая надолго стала основнымъ учебнымъ пособіемъ по грамматикѣ; еще М. В. Ломоносовъ называлъ «Грамматику» Смотрицкаго наряду съ «Псалтирю риѳмованной» Симеона Полоцкаго и «Ариѳметикой» Магницкаго вратами своей учености.

Цѣлью Смотрицкаго было создать практическое руководство по грамматикѣ, при помощи котораго можно понимать славянскій текстъ и писать чистымъ славянскимъ языкомъ. Подъ послѣднимъ имѣлся въ виду, конечно, не старославянскій языкъ, а церковно-славянскій языкъ, узусъ котораго сложился въ XVI-XVII вв. и въ которомъ древнія формы сосѣдствуютъ съ новыми, возникшими подъ давлениемъ живыхъ славянскихъ языковъ. Изложеніе носить описательный характеръ, безъ какого бы то ни было углубленія въ исторію языка. За образецъ описанія принята грамматика греческаго языка Ласкариса, изданная въ Миланѣ въ 1476 г.

Орѳографическія правила Смотрицкаго связаны не столько съ обозначеніемъ звуковъ славянской речи, сколько съ условнымъ употребленіемъ буквъ для зрительного различенія словъ и форм, при этомъ списокъ дифференцирующихъ паръ у него сравнительно съ грамматикой Зизанія разширенъ:

ѡ — **ѡ**: **родъ** (И. п. ед. ч.) — **ѡдъ** (Р. п. мн. ч.); **родомъ** (Т. п. ед. ч.) — **ѡдомъ** (Д. п. мн. ч.); **добрагѡ** (Р. п.) — **добраго** (В. п.); **достоинно** (кр. прил.) — **ѡстоинѡ** (нареч.);

ѡ — **ѧ**: **воинома** (Д. п. дв. ч.) — **воинали** (Т. п. дв. ч.);

ѧ — **ѧ**: **бивша** (Р. п. ед. ч. м. р.) — **бивш-** (В. п. мн. ч. м. р.);

ѧ — **ѧ**: **отецъ** (И. п. ед. ч.) — **ѧтєцъ** (Р. п. мн. ч.);

ѧ — **Ѡ**: **заповѣдема** (Д. п. дв. ч.) — **Ѡаповѣдма** (Т. п. дв. ч.);

ѹ — **ѹ**: **бившѹ** (Д. п. ед. ч. м. и спр. р.) — **бившю** (В. п. ед. ч. ж. р.);

ѧ — **ѧ**: **нишъ** (И. п. ед. ч. м. р.) — **нишь** (Р. п. мн. ч. м., ж., и спр. р.); кромѣ того, эти буквы, названныя *припряжногласными*, такъ какъ они сами по себѣ звуковъ не обозначаютъ, служать обозначенію качества согласныхъ, которыми оканчивается слово, напримѣр: *частъ и частъ, кровъ и кровь, перстъ и перстъ*;

ѭ — **ѭ**: **сватіѧ** (И. п. мн. ч. ж. р.) — **сватыѧ** (Р. п. ед. ч. ж. р.) и т. п.

Если для различенія словъ и формъ нельзя было использовать дублетныя буквы, то Смотрицкій предлагалъ использовать для этой цѣли знаки ударенія: **стынъ** (И. п. ед. ч.) — **стынъ** (Р. п. мн. ч.). Кромѣ того, употребленіе буквъ зависѣло отъ положенія въ словѣ: Смотрицкій совѣтовалъ употреблять букву **і** въ серединѣ словъ передъ гласными, въ абсолютномъ началѣ слова слѣдовало употреблять буквы **ѹ** **ѧ**, а буквы **Ѡ** **Ѱ** — въ серединѣ и концѣ слова; букву **ѡ** употреблять въ предлогахъ **ѡ** и **ѡгъ**.

Буквы **ѓ** **ѕ** **Ѡ** **Ѱ** онъ назвалъ *странными*, то есть, очевидно, посторонними, такъ какъ они взяты и сторонняго греческаго языка, тогда какъ славянскій языкъ не нуждается въ них. Наряду съ буквой **ѓ** онъ поставилъ букву **ѹ**: первая использовалась для обозначенія славянскаго звука въ словѣ **благо**, вторая — для обозначенія фрикативнаго заднеязычнаго согласнаго, свойственнаго южнорусскимъ говорамъ. Употребленіе буквъ **ѕ** **Ѡ** **Ѱ** **ѹ**, «лишнихъ» съ фонетической точки зрѣнія, оправдывалось тем, что благодаря имъ славянскій языкъ пріобреталъ то же достоинство, что и другіе сакральные языки — греческій и латинскій.

Въ Москвѣ «Грамматика» Смотрицкаго была издана въ 1648 году безъ указанія имени ея автора, такъ какъ Смотрицкій измѣнилъ Православію и перешелъ въ уніатство. Въ «Грамматикѣ» греческіе и латинскіе термины напечатаны славянскими буквами, въ некоторыхъ случаяхъ измѣнено удареніе (вм. *писма* – *пýсма*, вм. *твóржть* – *твóржтъ*); значительно передѣланы парадигмы, напримѣр: вм. Д. п. *сночѣ* – *снохѣ*, вм. Р. п. *мрежка* – *мрежи*, вм. И. и В. п. мн. ч. *мрежка* – И. п. *мрежи*, В. п. *мрежкы*; вм. Р. п. мн. ч. *лодїи* – *лодëи*; вм. М. п. ед. ч. *отци* – *отцѣ*. Некоторые раздѣлы были замѣнены соотвѣтствующими раздѣлами, взятыми изъ «Грамматики» Зизанія.

«Грамматика Смотрицкаго въ московскомъ изданіи 1648 года была тѣмъ первоначальнымъ источникомъ, изъ котораго перешли всѣ почти нововведенія не только въ послѣдовавшія за нею грамматики, но даже въ самыя церковныя книги позднѣйшаго изданія, называемыя исправленными»¹⁴. Въ послѣдующіе годы «Грамматика» Смотрицкаго съ незначительными передѣлками не разъ переиздавалась въ Москвѣ: въ 1721 году по указу Петра I, затѣмъ въ 1723 и 1755 годахъ. Она стала школьнѣмъ учебникомъ въ училищахъ, заведенныхъ при архіерейскихъ домахъ. Благодаря этой «Грамматикѣ» типографскіе справщики сдѣлали болѣе исправное, особенно въ отношеніи правописанія, изданіе Библіи – такъ называемое московско-академическое изданіе 1663 года. При исправленіи богослужебныхъ книгъ «Грамматикой» Смотрицкаго пользовались также книжники Болгаріи, Сербіи и Далматації¹⁵.

Что же объединяетъ всѣ средневековыя усилія по упорядочиванію правописанія? Двѣ черты:

1) Удержаніе всего орѳографическаго наслѣдія; нѣть и намека на такое понятіе, какъ «лишнія» буквы; всѣ усилія направлены на то, чтобы установить функциональную нагрузку всѣхъ знаковъ письма.

2) Функционированіе знаковъ письма связано прежде всего со зрительнымъ восприятіемъ текста; связь между звукомъ и буквами сохраняется, но орѳографическое сознаніе было основано на «презумпції зреѣнія».

Теперь мы сдѣляемъ огромный шагъ во времени и перенесемся въ конецъ XIX – начало XX вѣка. Къ этому времени уже сформировался русскій литературный языкъ, на которомъ была создана русская классическая литература; она называется классической въ томъ числѣ и потому, что она даетъ намъ образецъ литературнаго употребленія языка. Въ концѣ XIX вѣка акад. Я. К. Гротомъ сложившіяся нормы русского правописанія были кодифицированы, его книжка «Русское правописаніе» (1885 г.) выдержала 22 изданія и стала учебнымъ пособіемъ, а также основой для другихъ учебниковъ.

Но именно въ это время начинаются разговоры о необходимости реформы русского правописанія.

Подготовка реформы, состоявшейся въ 1917-1918 годахъ, обычно связывается съ дѣятельностью Академіи наукъ, въ недрахъ которой, подъ непосредственнымъ руководствомъ выдающихся русскихъ лингвистовъ академиковъ Ф. О. Фортунатова и А. А. Шахматова, былъ подготовленъ проектъ реформы орѳографіи. То, что реформа была проведена въ жизнь уже большевицкой властью, объясняютъ или исторической случайностью, или хронической неспособностью царскаго правительства къ каким-либо прогрессивнымъ преобразованіямъ.

Однако Ни Фортунатовъ, ни Шахматовъ не были иниціаторами реформы орѳографіи, не предлагали ея проектовъ, вопросъ о необходимости

¹⁴ Засадкевич Н. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883. С. 137.

¹⁵ См. об этом там же. С. 167-202.

реформированія русскаго правописанія поднимался прежде всего въ педагогической средѣ. Такъ, Педагогическое общество при Московскомъ университѣтѣ образовало на рубежѣ вѣковъ Комиссію по вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія, въ ея занятіяхъ принималъ дѣятельное участіе Фортунатовъ.

Шахматовъ также довольно рано сталъ сторонникомъ новой орѳографіи и защищалъ ее отъ министра внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина, выступившаго съ проектомъ обязательного употребленія въ печати буквъ Ѵ и Ѹ. Шахматовъ (вместе съ Соболевскимъ) написалъ отвѣтъ отъ имени Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи, который былъ 22 декабря 1901 г. направленъ министру народнаго просвѣщенія. Въ этомъ отвѣтѣ есть несколько любопытныхъ деталей. Въ немъ указывается, что члены Академіи, какъ ученые исслѣдователи исторіи языка и литературы, «ясно сознаютъ, что между живою речью, душой всякого народа, и письмомъ, мертвой и притомъ заимствованной у другого народа оболочкой, можетъ существовать только условная и совершенно внешняя связь»¹⁶. Эти слова даютъ намъ возможность понять, какъ мыслилъ Шахматовъ: для него существуетъ двѣ реальности: живая рѣчъ и письмо, причемъ второе занимаетъ служебное положеніе по отношенію къ первой; назначеніе письма, по Шахматову, при помощи условныхъ значковъ фиксировать живую рѣчъ народа. Такимъ образомъ, мы видимъ, что пониманіе орѳографіи и ея природы существенно мѣняется: на мѣсто презумпціи зрѣнія приходитъ презумпція слуха.

Отчего это происходитъ? Менѣе всѣго это можно вмѣнить въ вину Шахматову или вообще русской лингвистикѣ конца XIX – начала XX вѣка. Обратимъ вниманіе на сферы научныхъ интересовъ Шахматова, въ которыхъ онъ добился выдающихся результатовъ: онъ былъ филологомъ, создавшимъ первую научную исторію русскаго лѣтописанія; онъ былъ историкомъ **живого** (!) русскаго языка; наконецъ, онъ былъ діалектологомъ, организаторомъ систематическихъ исслѣдований въ этой области русистики, создателемъ Діалектологической комиссіи. Діалектология, наряду со сравнительно-историческимъ языкоznаніемъ (геніальнымъ представителемъ котораго въ Россіи былъ Фортунатовъ) въ концѣ XIX — началѣ XX вѣка была, пожалуй, наиболѣе развитой областью научнаго лингвистического знанія. Живая рѣчъ народа была главнымъ, если не единственнымъ достойнымъ предметомъ научныхъ исслѣдований; памятники письменности разсматривались главнымъ образомъ какъ источники исторической діалектологии. Востоковъ, Потебня, Ягичъ, Соболевскій, Шахматовъ сдѣлали чрезвычайно много въ этомъ направленіи. Поэтому-то Шахматовъ невольно смотрѣль на все, если можно такъ выразиться, «діалектологическими» глазами; письмо, орѳографія въ его глазахъ, естественно, не могли имѣть высокаго значенія.

Въ этой связи будетъ небезынтересно напомнить о шахматовской концепціи образованія русскаго литературнаго языка. Шахматовъ полагалъ, что «по своему происхождению русский литературный язык – это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, въ теченіе вековъ сближавшийся съ живымъ народнымъ языкомъ и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие»¹⁷. Церковнославянскій языкъ былъ въ XI вѣкѣ настолько близокъ народному русскому языку, что «съ первых же летъ своего существования на русской почве онъ сталъ неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на немъ русские люди не

¹⁶ Цит. по: Чернышовъ В. И. Избранные труды. Т. 2. М., 1959. С. 561.

¹⁷ Шахматовъ А. А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941. С. 60.

могли разграничить въ своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка»¹⁸. «Русские люди стали писать и говорить на нем, приближая его в своем произношении к родному языку. Звуки древнеболгарской речи были заменены русскими: вместо носовых звуков они произносили звуки *у* и *а*, вместо болгарского *ѣ* (звука, в одних говорах близкого къ *а*, а в других къ *д*) произносили *е* или отождествили его со своимъ *ѣ* (т. е. дифтоногом *иē*); сочетание *жд*, чуждое русскому языку, заменяли систематически через *ж*; сочетание слоговых *р* и *л* с последующими *ь* и *ь* русские заменяли своими сочетаниями *ър*, *ър*, *ъл* (напр., *скрѣбъ* стали произносить *скѣрѣбъ*, позже *скерѣбъ*, ср. русское *скѣрѣбъ*, откуда *скорѣбъ*); звукъ *г* (взрывной) они передавали своимъ (южнорусскимъ) гфрикативнымъ (*h*) и т. д. Подобные изменения были необходимы для возможности усвоения древнеболгарского языка более широкой средой; только они могли привести его к национализации»¹⁹.

Вѣсъ ходъ этихъ рассужденій обличаетъ діалектолога: въ проблемѣ образованія русского литературнаго языка онъ различаетъ только одну, въ общемъ-то малозначительную сторону: измѣненіе въ написаніи некоторыхъ словъ подъ вліяніемъ живого русскаго языка. Лишь въ 20-е годы, когда въ лингвистикѣ произойдетъ смѣна научной парадигмы и во главу угла будетъ поставлено понятіе языковой функциї, въ работахъ Ш. Балли, Н. С. Трубецкого, В. В. Виноградова будутъ сформулированы новые подходы къ литературному языку и его исторіи. Вернемся къ «Отвѣту» Шахматова. Вѣсъма забавно читать, какъ Шахматовъ отстаиваетъ свое право употреблять въ печати тѣ буквы, которыя онъ считаетъ нужными: «... мысль, облеченнуя въ слово, можно и должно поставить подъ контроль закона; но подвергнуть слово, выражающее мысль, какому бы то ни было контролю, а тѣмъ болѣе произволу цензоровъ, равносильно стѣсненію мысли вообще...»²⁰. Сразу видно русскаго «либерала» и будущаго члена кадетской партіи.

По запросу Главнаго управления военно-учебныхъ заведеній о русской орѳографіи на засѣданіи 14 февраля 1904 г. Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ было принято рѣшеніе образовать орѳографическую Комиссію подъ предсѣдательствомъ президента Академіи вел. кн. Константина Константиновича (К. Р.); товарищемъ предсѣдателя былъ избранъ акад. Фортунатовъ.

10 апреля Фортунатовъ обратился къ К. Р. съ письмомъ по поводу порядка проведения засѣданія Комиссіи, въ которомъ поражаетъ одно предложеніе: «Августѣйший предсѣдатель Комиссіи, предлагая собранію приступить къ обмѣну мнѣній по вопросу о реформѣ русскаго правописанія, изволить указать на то, что ораторы, рассматривая этотъ вопросъ какъ по отношенію къ цѣли правописанія, такъ и въ связи съ интересами школы и печати, не должны уклоняться въ общіе разсужденія о пользѣ или вредѣ реформы русскаго правописанія, напр. для культурныхъ, національныхъ или государственныхъ интересовъ. Обсужденіе такого рода общихъ вопросовъ не можетъ быть допущено, такъ какъ оно повело бы къ излишней полемикѣ, а потому и къ потерѣ времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ не споспѣствовало бы, конечно, выполненію той опредѣленной задачи, какую имѣеть передъ собою Комиссія по вопросу о русскомъ правописаніи»²¹. Поражаетъ своеобразный лингвистический идіотизмъ этого предложенія: собственно лингвистическая проблема не стоитъ выѣденнаго яйца, ибо каждому ясно, что

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ Там же. С. 236.

²⁰ Цит. по: Чернышов В. И. Избранные труды. Т. 2. М., 1959. С. 561-562.

²¹ Там же. С. 564.

пресловутыя четыре буквы (*ѣ, і/и, ё, в*) не имѣютъ отношенія къ фонетикѣ живого русскаго языка, такъ что суть реформы именно въ культурномъ, національномъ и государственномъ интересѣ, а онъ завѣдомо исключается изъ обсужденія!

Комиссія при II-мъ Отдѣленіи Академіи Наукъ засѣдала 12 апреля 1904 г. На засѣданіе комиссіи не приѣхалъ изъ Одессы А. И. Томсонъ — рѣвностный противникъ реформы.

Результаты голосованія:

Исключить «юиту»: за — 47, противъ — 3;
исключить «ять»: за — 34, противъ — 15;
исключить «ер»: за — 36, противъ — 14;
исключить «и» или «і»: за — 39, противъ — 11²².

Однако почти вся культурная элита русскаго общества 10-хъ годовъ — писатели, поэты, философы, дѣятели Церкви, политики — были противъ реформы, подготовленной учеными во главѣ съ Фортунатовымъ и Шахматовымъ, и реформа не состоялась. Лишь новая политическая власть со своей маніакальной жаждой отрѣченія отъ стараго міра провела реформу въ жизнь. Но и послѣ этого въ эмиграції Иванъ Бунинъ писалъ «... да, эта «новая» орѳографія очень большое мѣсто, иногда просто сводить меня съ ума своеї нелѣпостью, низостью, угодливостью черни — и тѣмъ, что вѣдь ни одна страна въ Европѣ не оскорбляла, не унижала такъ свой языкъ, какъ это сдѣлалъ самый подлый и звѣрскій СССР — съ благословенія профессора Мануйлова, ставшаго революціоннымъ министромъ народнаго *Просвѣщенія*» (Письмо Н.Р.Вредену отъ 12 декабря 1951 г.)²³.

Въ XX вѣкѣ возникла фонологія, которая стала одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ лингвистики XX вѣка; изумительная стройность фонологіи, строгость ея языка породили соблазнъ примѣнить фонологическій языкъ описанія къ другимъ сферамъ языка — грамматикѣ и лексикѣ, а также къ письму. Такіе соблазны не рѣдки въ исторіи разныхъ наукъ. Въ качествѣ аналогіи можно указать на фрейдизмъ: въ научномъ климатѣ конца XIX — начала XX вѣка, когда психологія считалась, по крайней мѣрѣ въ гуманитарной сферѣ, наукой наукъ, возникъ соблазнъ примѣненія языка фрейдизма къ описанію феноменовъ религіи, литературы и искусства.

Однако годится ли аппаратъ фонологіи для описанія орѳографії? Большинство современныхъ учебниковъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно, фонологическій принципъ признается основнымъ принципомъ русскаго правописанія. Я же думаю, что это не совсѣмъ вѣрно или даже совсѣмъ невѣрно. Если посмотрѣть на сводъ правилъ русской орѳографіи, то мы съ удивленіемъ обнаружимъ, что всего два (!) правила могутъ быть описаны при помощи фонологическихъ понятій: это правило о правописаніи безударныхъ гласныхъ и правило о правописаніи «сомнительныхъ» согласныхъ; ([вада] — воды), непроизносимыхъ согласныхъ ([сонце] — соднышко), въ парныхъ по глухости — звонкости согласныхъ ([броф'] — брови). Чтобы узнать, какую букву писать, надо поставить эти звуки въ сильную позицію. Но вѣдь это правило существовало, когда ни о какой фонологіи и слуху не было! Однако и въ этомъ кругѣ есть исключенія: напримѣръ, неясно, какая фонема въ первомъ слогѣ слова *темно*, ибо можно провѣрить это слово и словомъ *тѣмный*, и словомъ *темень*; стало быть, здѣсь имѣть мѣсто гиперфонема, а написаніе съ буквой *е* является традиціоннымъ. Если мы вообще посмотримъ на сводъ дѣйствующихъ правилъ русской орѳографіи, то увидимъ, что большая часть правиль не можетъ быть описана при помощи языка фонологіи: таковы правила, касающіеся правописанія *н / нн* въ

²² См.: Чернышов В. И. Избранные труды. Т. 2. С. 573-574.

²³ Бунин И. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 5 М., 1996. С. 563-564.

прилагательныхъ и причастіяхъ, чередующихся гласныхъ въ корнѣ (*бир*—*бер*, *дир*—*дер*- и др.), гласныхъ буквъ послѣ шипящихъ и *ц*, буквъ *е* и *э*, приставокъ *раз*- / *рас*- / *бес*- / *воз*- / *вос*-, приставокъ *пре*- / *при*-, гласныхъ *ы* / *и* послѣ приставокъ, многихъ суффиксовъ и окончаній существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и глаголовъ, слитнаго, раздѣльного и дефиснаго правописанія нарѣчій, многихъ предлоговъ (*въ теченіе*, *въ продолженіе*) и союзовъ (*чтобы* – *что бы*), частиц *не* и *ни*. Если же къ этому прибавить огромное количество такъ называемыхъ «словарныхъ» словъ, то значеніе фонематического принципа становится и вовсе незначительнымъ, и если мы до сихъ поръ придерживаемся мненія о фонематичности нашего письма, то только въ силу авторитета научной традиції.

Съ фонологической точки зрења совершенней надо будеть признать такую орѳографію, которая наилучшимъ образомъ отражаетъ фонемный составъ языка. Такой принципъ орѳографіи называется фонематическимъ; поскольку же фонема обнаруживаетъ себя только въ составѣ морфемы, то этотъ принципъ называются еще и морфологическимъ; практически это значитъ, что мы должны одной буквой обозначать одну фонему независимо отъ того, какимъ звуковымъ вариантомъ она представлена въ данной позиції.

Съ этой точки зрења усовершенствованіе орѳографіи означаетъ, во-первыхъ, изъятіе изъ азбуки такъ называемыхъ «лишнихъ» буквъ, «лишними» же они являются потому, что обозначаютъ одну и ту же фонему. Такъ, изъ трехъ исторически существовавшихъ буквъ *и* – *и* – *v*, обозначавшихъ фонему *<и>*, нужно оставить одну букву; изъ двухъ буквъ *ѣ* – *e*, *ѳ* – *f* также нужно оставить одну; «лишней» признана и буква *ъ* на концѣ словъ, такъ какъ она не обозначала здѣсь никакой фонемы. Всѣ эти «лишнія» буквы были изъяты реформой 1918 г.

Во-вторыхъ, усовершенствованіе орѳографіи исходя изъ презумпціи слуха означаетъ измѣненіе исторического написанія словъ на написаніе въ соотвѣтствіи съ его фонемнымъ составомъ. Напримѣръ, вмѣсто *добрый* надо писать *доброй*, ср. *молодой*, *крутой*; вмѣсто *доброго* или *молодого* надо писать *добра*, *молодова*.

Слѣдствіемъ такого усовершенствованія явилась омонимія словъ и формъ:

мел(сущ. и. п., ед. ч., м. р.) – *мел*(глаг. прош. вр., м. р., ед. ч.)
в море(В. п.) – *в море*(П. п.)
все(И. п., мн. ч.) – *все*(И. п., ед. ч., ср. р.)
села(глаг. прош. вр., ж. р., ед. ч.) – *села*(сущ. ср. р. мн. ч., ед. ч)
красной(И. п., ед. ч., м. р.) – *красной*(Р. п., ед. ч., ж. р.)

Фонологическій редукціонизмъ упрощаетъ проблематику письма какъ особой семіотической системы, сводя ее къ одной роли – обозначенію фонемъ, и игнорируетъ иные семантическіе возможности письма.

Если же исходить изъ презумпціи зрења, то усовершенствованіе традиціонной орѳографіи будетъ означать все болѣе раціональное использование исторически доставшихся намъ знаковъ письма. Съ этой точки зрења изъ трехъ орѳографій – церковно-славянской, русской и «совѣтской» – наиболѣе совершенной является первая, затѣмъ вторая, и совѣтская – самая несовершенная.

Русская орѳографія во многомъ сохранила преемственность отъ церковно-славянской; здѣсь нѣть проблемъ съ различеніемъ упомянутыхъ словъ и формъ: *мѣль* – *мелъ*, *всѣ* – *все*, *красны* – *красной*, *въ морѣ* – *въ морѣ*, *сѣла* – *села*, *ѣсть* – *есть*. Болѣе того, орѳографическая различія могутъ тонко использоваться въ текстѣ художественного произведенія. Вотъ одинъ примѣръ изъ романа Льва Толстого «Война и міръ»:

«Совѣтскій» текстъ

Диаконъ вышелъ на амвонъ,
выправилъ,

Оригинальный текстъ

Діаконъ вышель на амвонъ,
широко

отставив большой палец, длинные волосы из-под стихаря и, положив на грудь крест, громко, торжественно стал читать слова молитвы:

— *Миромъ* Господу помолимся.

«*Миромъ* — все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью — будем молиться», — думала Наташа.

большой палецъ, длинные волосы из-подъ стихаря и, положивъ на грудь крестъ, громко, торжественно стала читать слова молитвы:

— *Миромъ* Господу помолимся.

«*Miromъ* — всѣ вмѣстѣ, безъ различія сословій, безъ вражды, а соединенный братской любовью — будемъ молиться», — думала Наташа». (Т. III. Ч. I. Гл. XVI)

Въ «совѣтскомъ» текстѣ употреблено одно слово *миромъ*, тогда какъ у Толстого — два слова: *миромъ* и *mіromъ*. Возгласъ діакона означаетъ: будемъ молиться мирнымъ духомъ, безъ вражды, въ любви и согласіи, примиривши съ Богомъ и людьми, но Наташа Ростова, на слухъ не различающая два слова и, видимо, не твердо наставленная въ літургическомъ Богословіи, понимаетъ этотъ возгласъ въ томъ смыслѣ, что нужно молиться всѣмъ вмѣстѣ, сообща, какъ нужно напрячься всѣму народу для одолѣнія супостата Боунапартія. «Совѣтскій» читатель лишенъ даже возможности увидѣть эту орѳографическую игру, не говоря уже ея пониманія. Такихъ примѣровъ можно привести не одинъ, и нѣть сомненія, что при переводѣ текста классической литературы въ «новую» орѳографію, мы огрубляемъ его восприятіе и пониманіе.

Вотъ еще примѣры разрыва культурной традиції. Стихъ изъ хрестоматитѣйного «Пророка» *И жало мудрыя змеи...* нельзя перевести въ «новую» орѳографію, такъ какъ пропадетъ слогъ и стихъ разрушится. Однако абитуріенты уже не понимаютъ формы *мудрыя* и цитируютъ такъ: «И жало мудroe змеи...». То же самое произошло и со строкой Блока: «*И слезы первыя любви . . .*», которую уже печатаютъ такъ: «*И слезы первые любви . . .*» Точно такъ же и строку Пушкина «*Надежды робкія черты . . .*» (*«Къ живописцу»*, 1815) печатаютъ въ академическомъ собр. соч. «*Надежды робкие черты . . .*», то есть поэтъ просить живописца изобразить не черты робкой надежды, а робкіе черты надежды, что, несомненно, является безмыслицей.

Или еще примѣръ. Изъ исторіи русского стихосложенія извѣстно, что въ 1-ой трети XIX вѣка поэты пользовались точной рифмой, напримѣръ:

*Бѣлеетъ парусъ **одинокой**
Въ туманѣ моря голубомъ.
Что ищетъ онъ въ странѣ **далекой**,
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?*

Но какъ можно увидѣть точную рифму въ стихахъ, напечатанныхъ по «новой» орѳографіи; ср.:

*Белеетъ парус **одинокий**
В тумане моря голубомъ.
Что ищет он в стране **далекой**,
Что кинул он в краю родном?*

Ср. также у Пушкина:

*Но это кто въ толпѣ **избранной**
Стоитъ безмолвный и **туманной**?
«Евгений Онѣгинъ» 8, VII*

и

*Но это кто в толпе **избранной***

Стоит безмолвный и туманный?

Ср. также: *Осел осел – Осель осѣль.*

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ изъ извѣстной статьи Ивана Ильина, который называлъ новую орѳографію кривописаніемъ²⁴:

Кривописаніе	Правописаніе
<i>все ели да ели</i>	<i>всё ели да ели – всё ёли да ёли</i>
<i>грешник отведал грешника</i>	<i>грѣшникъ отвѣдалъ грешника</i>
<i>он слез без слез</i>	<i>онъ слѣзъ безъ слезъ</i>
<i>у нас есть что есть</i>	<i>у насъ есть что єсть</i>
<i>на горе цветов не было</i>	<i>на горѣ цвѣтовъ не было – на горѣ...</i>
<i>о мире всего мира</i>	<i>о мирѣ всего міра</i>
<i>откуда вести</i>	<i>откуда вѣсти – откуда вести</i>
<i>море становилось синее</i>	<i>море становилось синее – или синѣ?</i>

Глубинный смыслъ орѳографической реформы 1917-1918 гг. какъ разъ и заключался въ разрушеніи русскаго культурнаго пространства: «Реформа имѣла невидимыя большинству современниковъ, но поистинѣ сатанинскія цѣли: пресѣчь духовную преемственность, лишить русскій народъ его прошлаго, чтобы тѣмъ вѣрнѣе формировать «новаго человѣка»²⁵.

Описаніе орѳографії безотносительно къ связи между буквой и звучаніемъ вполнѣ возможно. Есть люди, для которыхъ вообще не существуетъ связи между письмомъ и звучащей рѣчью: это глухонѣмые отъ рождения; они, однако, прекрасно владѣютъ письменной рѣчью. Но и всѣ люди въ процессѣ культурнаго развитія, процессѣ овладенія навыкомъ чтенія «глохнуть», то есть у всѣхъ происходитъ эманципація воспріятія письменнаго текста отъ его звучанія. Мы начинаемъ читать по слогамъ, потомъ читаемъ вслухъ, потомъ читаемъ глазами, но еще какое-то время помогаемъ чтенію, шевеля губами, наконецъ, полностью освобождаемся даже отъ минимальнаго сопровожденія чтенія какимъ-то подобіемъ произношенія. Мы пишемъ не для того, чтобы услышать написанное, а все болѣе для того, чтобы увидѣть его и за зрительными графическими символами распознать выражаемыя ими идеи. Такъ, слово *сѣроватый* по-русски произносятъ по-разному: [сяраватый - сероватой - сираватый]; иностранецъ вообще можетъ исказить въ своемъ произношеніи это слово до неузнаваемости; однако на письмѣ оно для всѣхъ выглядитъ одинаково и потому для всѣхъ является однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ символомъ опредѣленныхъ лексическихъ и грамматическихъ идей (значеній). Эта мысль уже высказывалась въ нашей наукѣ С. И. Карцевскимъ, но не получила должнаго разитія. Онъ писалъ: «Письмо существуетъ д л я г л а з а . Слова должны быть понятны при первомъ же взгляде на ихъ начальныя буквы. <...> Для быстрого пониманія словъ глазами н е л ь з я писать слова такъ, какъ они произносятся. <...> Поэтому орѳографія должна поддерживать на письмѣ зрительное единство слова во всѣхъ его формахъ и зрительное единство семьи словъ, и, наконецъ, зрительное единство типа словоизмѣненія»²⁶.

В той или иной степени «іероглифической», или символической, является всякая орѳографія, напримѣръ, англійская, французская и нѣмецкая, причемъ эти культурные народы не спѣшатъ реформировать ее. «Упростить правописаніе для

²⁴ Ильин И. А. О наших орѳографических ранах // Собр. соч. в 10 тт. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 118-125.

²⁵ Протоіерей Валентинъ Асмусъ. «Ё». Краткое пособіе по старой орѳографіи русскаго языка. М., 1999. С. 3.

²⁶ Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М., 2000. С. 203.

носителей этихъ языковъ равносильно культурному самоубійству»²⁷. Мы же, бѣгущіе впереди прогресса, увлеченные ложной идеей сближенія правописанія съ произношеніемъ, реформировали его, и теперь интеллигентный обыватель не въ состояніі прочесть несложный церковно-славянскій текстъ и съ неохотой беретъ въ руки книгу, напечатанную по старымъ орѳографическимъ правиламъ.

Я смѣю утверждать, что научно обоснованными являются обѣ системы орѳографії, научно исходить и изъ презумпціи слуха, и изъ презумпціи зрењня. Предпочтеніе того или иного принципа усовершенствованія зависитъ, можетъ быть и къ счастью, уже не отъ ученыхъ, а отъ соглашенія внутри культурнаго сообщества. Въ этой связи слѣдуетъ напомнить, что подготовленная учеными въ серединѣ 60-хъ годовъ реформа орѳографії не прошла из-за сопротивленія ей со стороны дѣятелей культуры, хотя ихъ аргументація порой была довольно наивной, вспомнимъ хотя бы знаменитое леоновское *я этихъ огурцей ъсть не буду*.

Какъ замѣтилъ Козьма Прutковъ, специалистъ подобенъ флюсу: полнота его одностороння; я думаю, что не слѣдуетъ впадать въ фонологическую односторонность, напротивъ, нужно вдуматься въ то, что даетъ и чего не даетъ намъ наше письмо какъ буквенно-зрительная сущность. Въ этой научной и культурной парадигмѣ письмо имѣть важное значеніе системы зрительныхъ знаковъ, выражавшихъ опредѣленныя идеи, лексическая и грамматическая. Въ этой перспективѣ богатство и разнообразіе знаковъ письма – не излишество, подлежащее искорененію, а даръ, которымъ нужно умѣло распорядиться. Въ этой связи умѣстно вспомнить слова А. П. Сумарокова: «Что меньшѣ правиль, то легчѣ языку научиться; а нѣкоторые думаютъ, что въ лѣгкости языка немалое состоится достоинство; однако тотъ алмазъ не дешевлѣ, который легчѣ. Мнѣ думается, что въ умѣренной тягости языка большѣ найти можно достоинства, потому что оттого большѣ разности, а гдѣ большѣ разности, тамъ большѣ пріятности и красоты, ежели разность не теряетъ смысла. Трудность языка къ наученію требуетъ большѣ времени, но приносить большѣ и удовольствія»²⁸. Иначе говоря, свѣдущему читателю орѳографическая тонкости помогаютъ понимать текстъ, мѣшаютъ же онѣ только невѣжамъ.

Если въ основѣ тырновско-ресавской справы и послѣдующихъ реформъ церковно-славянского правописанія лежала исихастская идея безусловности языкового знака, символа, (слѣдствіемъ которой было стремленіе удержать всѣ знаки письма и найти имъ то или иное функциональное употребленіе), то въ основѣ новѣйшихъ попытокъ реформъ русскаго правописанія лежитъ чисто интеллигентская идеология. По словамъ русскаго философа Георгія Федотова, такъ называемой интеллигенціи свойственны двѣ сущностныя черты – идейность и беспочвенность. Эти двѣ черты полностью проявились и у «отцовъ» новѣйшихъ реформъ: въ данномъ случаѣ идейность проявилась въ отвлеченнай идеѣ фонологической основы русской орѳографії, а беспочвенность – въ способности пожертвовать всѣй исторической традиціей русскаго письма ради утвержденія этого абстрактнаго принципа. На память приходятъ горькія слова Шахматова, которыя онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей, умирая отъ голода въ революціонномъ Петроградѣ: «Теперь, увидѣвъ носителей новой орѳографії, я понялъ, что мы вели себя по-большевицки».

Если отвлечься отъ идеологии, то передъ нами двѣ научныя теоріи орѳографії, одна изъ которыхъ основана на «презумпціи зрењня», а другая – на «презумпціи слуха». Какая изъ нихъ лучше?

²⁷ Там же. С. 7.

²⁸ Сумароков А. П. К типографским наборщикам // Собр. соч. в 10 тт. Т. VI. М., 1787. С. 310-311.

